

Brandner, Aleš

[Пачаи, И. Специфика русской культурной зоны в русской народной речи и фольклоре]

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 2005, vol. 54, iss. A53, pp. 233-235

ISBN 80-210-3705-9

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101745>

Access Date: 19. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Пачаи, И.: Специфика русской культурной зоны в русской народной речи и фольклоре. Ныредьхаза, Stúdium, 2002. 296 с. ISBN 963-7988-95-5

Настоящая монография была издана в серии *«Следы языковых и культурных контактов в русском фольклоре и фразеологии»*. По тематике можно ее отнести в научную область лингвокультурологии и ареальной лингвистики. Она анализирует сложный круг вопросов, связанных с малонизученными фактами русской народной речи и фольклора. Об актуальности исследуемых проблем и методического подхода можно убедиться на примере лингвистических работ, вышедших в самом конце XX века, которые напоминаются и вкратце разбираются в *«Введении»* (с. 3–5) рецензируемой работы. В центре внимания здесь стоят вопросы, связанные с теорией Н. С. Трубецкого о влиянии русской культурной зоны, обнаруженной при сопоставительном исследовании определенного типа деривации народного русского языка. В сферу данного исследования попадают не только чисто лингвистические факты, но и морфологические вопросы фольклора, далее проблема проявления элементов общей языковой картины мира в неродственных языках.

В 1-ой главе предлагаемой монографии, названной *«О значении и трудностях изучения русской народной речи»* (с. 9–16), подчеркивается факт, что в лингвистических работах, вышедших в последней четверти XX века поставлены вопросы, касающиеся сути национального характера русской культуры и русского языка. Однако не всегда там можно найти ответы на вопросы, связанные с более широким осмыслением восточного характера русской ментальности. Эту проблему особенно затрагивают работы В. В. Колесова и Ф. П. Филина, на которые автор ссылается. В. В. Колесов полагает, что социальной основой литературного языка являются не территориальные, а групповые диалекты в соответствии с изменяющимися условиями общественной жизни. По мнению Ф. П. Филина, изучением языка фольклора обогащается знание о древних общенародных структурах, использованных в народной речи.

Проблемы, касающиеся непосредственно вопросов становления культуры и языка русского этноса, анализируются во 2-ой главе *«Спорные вопросы, связанные с вопросами формирования культуры и языка русского этноса»* (с. 17–21). В период формирования языка большинство русского населения не владело литературным языком. Единственным средством общения для него были местные диалекты. Из этого следует, что надо обратить пристальное внимание на взаимоотношение общенародного русского языка и языка народного творчества. Одновременно надо оценить роль финно-угорского субстрата и алтайских адстратов в процессе, определившем своеобразие русского общенародного языка в ходе его формирования на фоне славянских, в том числе и восточнославянских языков.

3-ья глава *«Общие специфические свойства языка русского фольклора и русской народной речи»* (с. 22–45) посвящена морфологическому, лексическому и синтаксическому разбору русской народной речи. Теоретические изложения иллюстрируются на богатом языковом материале, полученном путем его собирания из языка русского фольклора, далее посредством выборки литературных произведений, изображающих быт русской деревни; в них используется язык наиболее близкий к языку фольклора. В языке фольклора отражается определенный этап его развития, проявляющийся в конкретных языковых структурах. Его основа тесно связана с диалектами.

Об актуальности изучения фольклора с точки зрения лингвистики и культурологии свидетельствуют языковедческие работы, вышедшие в конце XX века. В 4-ой главе *«О языковой модели мира, отражаемой в русском фольклоре и фразеологии»* (с. 45–65) подтверждаются выводы В. В. Колесова о существовании «русской культурной зоны», которая имеет более интенсивные связи с Востоком, нежели с Западом, т. е. с другими славянскими народами. В данном контексте можно говорить о соприкосновении русской культуры с традициями и культурой уральских и алтайских народов; это отражается и в обнаруженных семантических цепочках, следующих из эквивалентов парных слов в русском и восточно-евразийских языках. При изучении парных слов возникают трудности, потому что исследователь не может пользоваться письменными памятниками, отражающими эпоху их возникновения. Проявление народного русского языка характерно для произведений В. Распутина, откуда

автором настоящей работы было приобретено большое количество фразеологизмов, отражающих сущность русского менталитета. Повесть «*Прощание с Матёрой*» стала важным источником сделанного компаративного исследования восточно- и западнославянских языков в системе ареального языкознания. При сравнении переводов повести на чешский, словацкий и польский языки автору удалось определить ряд исконно русских образований.

Автор настоящей книги в своей предшествующей монографии «*Ареальные аспекты парных слов в русском языке*» (Ныретьхаз, 1995) уделял особое внимание вопросам, связанным с синхронным исследованием парных слов в русском языке. В 5-ой главе рецензируемой работы «*Парные слова как признак ареально-хронологической обусловленности языка и стиля русского фольклора*» (с. 66–85) напоминает решение автора провести сопоставительное исследование парных слов в языках народов, живущих в ареале русской культурной зоны. Приведенные им параллельные по семантическим и структурным признакам парные слова требуют специального изучения в аспекте сопоставительно-исторической лингвистики. Однако недостаток письменных памятников затрудняет весь исследовательский процесс: разговорный и фольклорный языки начали фиксировать только в XVII веке. Итог проведенного анализа показал, что в русском языке, в отличие от западнославянских языков, были использованы неславянские структуры в силу длительных контактов с восточными народами.

Специфика русской культурной зоны разбирается в 6-й главе «*О возникновении неславянских мотивов русского фольклора*» (с. 86–93). Восточный характер русского менталитета и корней русской культуры определяется в некоторой степени как византийскими традициями, так и другими восточными мотивами.

7-ая глава «*Следы языковых контактов русской культурной зоны в лексике русских пословиц и поговорок*» (с. 94–105) затрагивает способы изучения частоты использования парных слов в разных стилях общенародного русского языка. Автор глубоко рассмотрел лексику русского фольклора, послужившего богатым источником для изучаемого вида деривации. Он пользовался материалом, полученным на основании выборки сборника русских пословиц В. И. Даля. Их этимологический анализ указывает на происхождение лексики. Статистическая и семантическая функция заимствованных слов в пословицах свидетельствует об интенсивном характере языковых и культурных сношений изучаемого региона.

8-ая глава «*Слова-заимствования в пословицах*» (с. 106–123) содержит алфавитный список усвоенных слов, встречающихся в собранных пословицах. У каждой лексической единицы дается этимологическое толкование.

Значительное количество чужезычных слов, перенятых из языков изучаемого региона, подтверждает устойчивые контакты русского народа с Востоком. Ядро изучаемого круга вопросов образует русско-татарская корреляция; это мотивируется большим количеством слов, усвоенных из татарского языка в русских пословицах. В 9-ой главе «*О возникновении пословиц-калек и о языковых контактах*» (с. 124–147) представлены самые типичные и интересные параллельные образования в области фразеологии изучаемого ареала. Внимание обращено особенно на то, как глубоко укоренились в русской фразеологии элементы, отражающие стихию соседних степных народов.

В 10-ой главе «*Пословицы-кальки русской культурной зоны*» (с. 148–172) дается список засвидетельствованных автором заимствованных пословиц в виде калек из языков данного ареала. У каждой русской пословицы приводятся ее эквиваленты в отдельных языках изучаемой культурной зоны.

При компаративном исследовании языковых свойств волшебных сказок у некоторых славянских, уральских и алтайских народов раскрываются одни и те же сюжеты. В ряде типологических работ, посвященных вопросам фольклора, они обозначаются как «бродячие сюжеты». Они имеют, как правило, общий тематический стержень. В 11-ой главе «*Бродячие сюжеты – следы контактов в культурной зоне*» (с. 173–186) указывается, что при сопоставительном исследовании русского фольклора обнаружили автором общие сюжеты и мотивы русских, словацких, венгерских и алтайских волшебных сказок. Сходные сюжеты в венгерском и русском фольклоре появились вследствие параллельных венгерско-алтайских и русско-алтайских культурных взаимосвязей. Что касается анализа словацких волшебных

сказок, то они, по словам автора, являются кальками венгерских народных сказок; они служат доказательством венгерско-словацких культурных сношений. В настоящей главе далее анализируются общие морфологические мотивы сюжета в волшебных сказках, общая морфологическая структура их сюжета и побочные мотивы-эквиваленты их эпизодов.

Типичным образом волшебных сказок в изучаемом фольклорном ареале является идеализация младшего сына, одерживающего победу над своими алчными братьями. В 12-ой главе «*Отражение следов обычного права и быта кочевых народов в волшебных сказках*» (с. 187–196) этот факт толкуется как отражение следов древней системы обычного права, традиции родоплеменного общества. На конкретных примерах указывается на то, что институт минората отражается в русском фольклоре не только в волшебных сказках, но и в пословицах, которые выражают стихию и традицию русской народной культуры. Внимание, однако, обращено также на то, что образ младшего сына в новых «европейских» условиях постепенно превращается в «дурачка-бездельника».

При сравнительном исследовании морфологических структур волшебных сказок русской культурной зоны раскрываются не только соответствующие сюжетные мотивы, но при углубленном изучении культурологического фона данных мотивов и элементы поверий и прарелигии, восходящих к древним мифам Азии. Следы шаманских поверий в сюжете русских народных сказок разбираются в 13-ой главе «*Следы шаманских поверий в русских волшебных сказках*» (с. 197–208). Они свидетельствуют об интенсивных культурных контактах. Важными мотивами морфологических сказок являются чудесное рождение главного героя, проблема тотемизма, мотив птицы-великана (следы иранских культурных связей).

В результате проведенного автором сравнительного изучения русского фольклора в аспекте русской культурной зоны появились не только общие мотивы сюжета, но и мотивы, отражающие менталитет жителей исследуемой культурной полосы. Кроме мотивов, возникших под влиянием культурных контактов русских со степными народами, наблюдаются следы богатырских эпосов урало-алтайских народов. В фольклоре изученного ареала обнаружилась большая частотность использования образа коня. В 14-ой главе «*Образ коня в пословицах – следы богатырских эпосов в волшебных сказках*» (с. 209–232) представлены русские пословицы, взятые из сборника В. И. Даля, в которых выступает образ коня (ср. *Счастье на коне, бессистье под конём*), и пословицы о коне в языках данного ареала. Особое внимание уделяется рассмотренному мотиву богатырского коня в народном эпосе.

При конфронтативном исследовании типичного жанра русской культурной зоны встретились немалочисленные параллели в сопоставляемых волшебных сказках. В них появляются общие структурные и речевые элементы, свидетельствующие о языковых контактах. 15-ая глава «*Общие стилистические и речевые элементы в волшебных сказках исследуемого ареала*» (с. 233–274) содержит описание общих речевых элементов, использованных как в русских, так и в уральских и алтайских волшебных сказках, которые проявляются в форме разных стилистических элементов данного жанра фольклора. В настоящей главе разбираются ареальные свойства присказки, с которой начинается сказка, и свойства заключительного элемента. Параллельно анализируются их общие мотивы и общее содержание диалогов в тексте.

В «*Заключении*» (с. 275–279) автором подытоживаются полученные результаты исследования.

Раздел «*Библиография*» (с. 280–293) представляет список научной литературы, относящейся к изучаемой проблематике, на которую автор опирался. Следует «*Список сокращений*» (с. 293–295), употребляемых в работе.

В конце книги помещено «*Содержание*» (с. 296).

Изыскания, проведенные автором настоящей монографии на микролингвистическом уровне, подтверждают общие предположения о существовании русской культурной зоны и об особенностях культурных контактов народов Евразии.

Алеш Бранднер